

Василий Васильевич Радлов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1971**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

*Памяти академика
Василия Васильевича Радлова
посвящается*

«Люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В. В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться».

С. Ф. Ольденбург

Г. Ф. Благова

В. В. РАДЛОВ И ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКОЙ ТОПОНИМИИ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ *

I. Василий Васильевич Радлов не оставил и не мог оставить после себя специальных топонимических работ. Это естественно: топонимика как самостоятельная дисциплина оформляется буквально на наших глазах. Тем не менее труды В. В. Радлова насыщены богатейшим фактическим материалом по топонимии, собранным им преимущественно в полевых условиях. Понятно, что уже самый сбор топонимии, ее подача в тюркологических публикациях ученого подразумевали постепенно складывающуюся систему топонимических взглядов. Воззрения В. В. Радлова на топонимию выявляются в отдельных метких наблюдениях, как блестящие, разбросанные в его многочисленных тюркологических трудах.

Имея великолепных учителей в области общего и ориентального языкознания в лице Ф. Боппа, А. Потта, В. Шотта, Г. Штейнтала, а по географии — в лице К. Риттера, одного из основоположников научной географии, автора четырехтомного «Землеведения Азии», В. В. Радлов со студенческой скамьи привык придавать решающее значение собиранию и описанию любого материала в избранной им широчайшей зоне исследования, любые сведения о которой в то время изобиловали белыми пятнами. Прежде всего не были изучены в географическом отношении местности, например Алтай, удаленные от городов. Существовавшие во времена Радлова топографические карты Сибири не отражали многих крупных географических объектов, не говоря уже о прочих подробно-

* Работа над темой «В. В. Радлов и топонимика» была начата автором по предложению Топонимической комиссии МФГО; о начальных результатах разработки доложено на совещании по проблеме «История топонимики в СССР» (см.: «История топонимики в СССР. Тезисы докладов», М., 1967).

стях рельефа местностей; сильно страдали карты и неточностью¹; «...о некоторых местностях, как о юго-восточной части Чуйской степи, дневники Радлова были для Семенова и Потанина самым ранним источником»².

В течение 12 лет (с 1859 по 1871 г.) молодой доктор наук Радлов, сначала учитель Барнаульской гимназии, потом — преподаватель Барнаульского горного института, почти ежегодно один с проводником, иногда в сопровождении нескольких казаков, систематически совершал поездки по неизведанным и малоизученным областям Юго-Западной Сибири, по прилегающим районам современных Казахстана, Узбекистана, Киргизии — «до Тобольска на север, до Самарканда на юг, до Тюмени на запад и до Канска (Енисейская губ.) на восток»³, а также по Северной Монголии (на юг от Томской и Енисейской губерний). Интересуясь народами, «живущими между Тянь-Шаном и рекою Енисеем»⁴, прежде всего как носителями урало-алтайских языков, повышенное внимание к которым возникло у молодого ученого под влиянием В. Шотта⁵, В. В. Радлов жадно фиксирует все, что касается настоящего и прошлого этих народов, и в то же время ведет подробнейшую запись своих маршрутов. Описания этих путешествий, планомерно расширявших изыскательские горизонты ученого, он охотно печатает в русских и немецких изданиях.

Эта сторона деятельности В. В. Радлова не остается без внимания — Совет имп. Русского географического общества уже зимой 1867 г., оценив по заслугам не только лингвистические исследования Радлова, но и его статьи географического содержания, просит молодого ученого быть корреспондентом Общества и снабжает его специальной инструкцией⁶. С этого времени Радлов становится активным сотрудником Общест-

¹ Радлов, например, не только подробно описал весь маршрут возглавляемой им Орхонской экспедиции, но внес также необходимые исправления в современную ему карту Монголии; см. об этом: В. В. Радлов, Предварительный отчет о результатах... экспедиции для археологического исследования бассейна реки Орхона, — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», I, СПб., 1892, стр. 10.

² В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова, — ИРГО, 1919, т. LIV (1918), стр. 172.

³ Там же, стр. 164.

⁴ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. I, СПб., 1866, стр. XII.

⁵ См. об этом: «Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук», ч. II, Пг., 1917, стр. 122.

⁶ См. вступление от редакции при публикации: «Письма г-на Радлова в Географическое общество, во время поездки его в Туркестанский край», — ИРГО, 1869, т. IV (1868), стр. 324.

ва — он тщательно и добросовестно исполнял возложенные на него ученые поручения, а в ряде случаев по собственному почину осуществлял географические исследования. Дважды ему присуждались награды Общества — серебряные медали в 1870 г. (за этнографические исследования в Туркестанском и Заилийском краях) и в 1871 г.⁷ (за статью «Торговые сношения России с Западной Монголией и их будущность»⁸). С 1886 г. В. В. Радлов — действительный член Русского географического общества, причем, по замечанию П. П. Семенова, «постоянный и деятельнейший его член»⁹, описанию поездок и географических трудов которого отведено достойное место в «Истории полувековой деятельности имп. Русского географического общества» П. П. Семенова¹⁰. Позднее В. В. Радлов станет инициатором создания Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии¹¹. В свете этих сведений В. В. Радлов предстает перед нами не как любитель — собиратель местных названий, но как специалист высокого класса: редкий географ мог похвастаться глубоким знанием языка населения описываемой местности, народной словесности, этнографии, истории, археологии, экономики и статистики изучаемого края. Глубокие познания В. В. Радлова в области тюркского языкознания были залогом лингвистической точности топонимических записей ученого; именно «в возможно-правильной передаче местных географических названий» П. П. Семенов усматривал одно из «главных достоинств» географических трудов В. В. Радлова¹² — достоин-

⁷ См. об этом: П. П. Семенов, История полувековой деятельности имп. Русского географического общества. 1845—1895, ч. I, СПб., 1896, прим. I к стр. 166; ч. II, 1896, прим. I к стр. 485.

⁸ Эта статья опубликована в «Записках РГО». По отд. статистики, II, СПб., 1871 (далее сокращенно: «Торг. снош.»).

⁹ П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. III, 1896, стр. 1262. Из числа ранних публикаций В. В. Радлова в изданиях РГО назовем еще: «Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г.» [ИРГО, 1871, т. VI (1870)] и очерк «Средняя Зерафшанская долина» («Зап. РГО по отделению этнографии», 1880, т. VI; далее — «Ср. Зерафш.»), к которому была приложена составленная Радловым с помощью топографов «довольно подробная специальная карта посещенной местности» («Письма г-на Радлова в Географическое общество...», стр. 327, далее в тексте — «Письма Радлова...»).

¹⁰ Ч. III, «Алфавитный указатель личных имен», стр. 1363.

¹¹ БСЭ², 35, стр. 582.

¹² П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. I, стр. 295. Разумеется, и в топонимические записи Радлова порой вкрадывались неточности и неправильности. Это происходило главным образом на территориях, заселенных носителями еще не изученного исследователем языка, — например, в долине среднего течения р. Зеравшана, где «военные обстоятельства, — по его собственным словам, — не позволяли ему удаляться хотя бы на несколько верст от армии или отдельных отрядов. Не могло быть речи ни о записывании текстов, ни вообще о лингвистиче-

ство тем более важное, что среди части географов, к числу которых принадлежал и Риттер, было распространено «произвольное, совершенно не считавшееся с требованиями лингвистической и филологической науки толкование географических названий и других разноязычных терминов»¹³. Значительная часть географических сочинений В. В. Радлова этого времени впоследствии вошла в его двухтомный труд «Aus Sibirien»¹⁴.

II. В «Aus Sibirien» топонимические интересы В. В. Радлова охватывают достаточно широкий ареал Западной и Юго-Западной Сибири с прилегающими областями. Для многих районов этого ареала им составлены топографические описания; в полевых условиях путем сплошного обследования местности и визуального опроса местных жителей записан ценнейший и обширнейший материал по топонимии и микропонимии. Это, не говоря уже о детальных фиксациях названий населенных пунктов вплоть до деревень и «татарских» улусов, — оронимы и микрооронимы, гидронимы и микрогидронимы; не забыт, например, даже такой микропоним, как название одного кедрового дерева Бай-агач, к которому «издревле приезжали ежегодно к 25 числу 6-й луны тюрбецы и приносили жертвы» («Торг снош.», 345). Освещен, таким образом, тот самый раздел топонимии, по которому до сих пор часто отсутствует всякий материал.

При ближайшем рассмотрении топонимических материалов «Aus Sibirien» особенно полно обнаруживается методика собирания, вполне отвечающая требованиям современной науки: почти столетие тому назад на вооружении ученого были

ских исследованиях» (В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова, стр. 185). Вполне понятно поэтому, что в тех условиях «даже географические названия турецкого происхождения передаются Радловым неправильно» (там же). См., например, «р. Катты-сай», «г. Каттыкурган» вместо *Катта-сай*, *Каттакурган*, «Катырчи» вместо *Хатирчи* («Ср. Зерафш.», 4, 2, 12), хотя и такая передача была шагом вперед по сравнению с уже имевшейся — «Кати-Курган», «Катарджи» («Азиатский вестник», 1825, апрель, стр. 237), или первоначально не понятый родительный падеж в топониме-словосочетании — «Нуратаным-Кара-Тау» («Письма Радлова...», стр. 326), позднее исправленный на «Нуратанынг-таг» («Ср. Зерафш.», 3). В целом же В. В. Радлов был весьма точен в своих топонимических записях и, исходя из живого произношения тюркоязычных народов, не раз вносил коррективы в передачу топонимов другими востоковедами (см., например: W. Radloff, *Altürkische Studien*. III, — ИАН, сер. VI, т. IV, № 13, стр. 1025, прим. 2, где в топониме *Kara Khodscha* утверждается чтение *хоца*, а не *хоцо* и принимается чтение *Tuyuk mazar*, но никак не *Tojok mazar*).

¹³ В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова, стр. 169.

¹⁴ См.: W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I—II, 2. Ausgabe, Leipzig, 1893 (1. Ausgabe — 1884); далее — *Aus Sib.*, I или II.

почти все те приемы полевого сбора материала¹⁵, которые выдвигаются и разрабатываются современной топонимикой¹⁶.

Попробуем выделить рабочие приемы В. В. Радлова, суммировать и систематизировать разрозненные наблюдения ученого с позиций современной топонимической науки, в связи с ее нынешними интересами и задачами.

1. Прежде всего В. В. Радлов прекрасно сознавал всю ценность местных названий географических объектов Сибири, на смену которым в районах заселения ее русскими (а этот процесс активизировался на глазах исследователя) все чаще приходили и русские же названия или русская адаптация местных названий. Отсюда — стремление ученого зафиксировать не только распространенный среди русских топоним, но также и название, имеющее хождение среди коренного населения тех мест: г. Кузнецк — по-телеутски *Aba-tura*, г. Бийск — *Jasch-tura* или *Pi-tura* (Aus Sib., I, 74, 75), станция *Iliinsk* — и более раннее ее название *Idola* (Aus Sib., I, 101).

Производя свои записи на территориях с разноязычным местным населением, исследователь фиксировал все, как теперь бы сказали, «топонимические эквиваленты» для одного и того же географического объекта, бытующие у разных народов и народностей. Таковы, например, эквивалентные названия рек — *Катунь* и *Куркечу* («Торг. снош.», 377), *Ssussulan* и сойонск. (resp. тувинск.) *Jajlyg* (Aus Sib., II, 209), сагайское и качинское названия р. Туба — *Тубā-суь* и *Унцй*¹⁷. Населенные пункты в Илийской долине и в прилегающих к ней районах также имеют по два, а то и более эквивалентных названий, например, *Kuldscha* по-татарски (resp. по-уйгурски) именуется *Kürā*, а у шибэйцев — *Ili*; одно из поселений солонов называется у них *Samar*, а у киргизов — *Dschar Kent*; другое поселение также имеет два названия — у солонов *Tschedschi* и у киргизов *Ak kent* (Aus Sib., II, 378).

Особенно примечательны тюрко-монгольские эквивалентные пары топонимов: они сходны по своей структуре, а подчас имеют и тесные соприкосновения в части своих лексических строевых единиц, которые могут отличаться только фо-

¹⁵ В плане владения методикой полевого сбора не лишним будет упомянуть о составленной В. В. Радловым «Инструкции для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов степного генерал-губернаторства» (СПб., 1895).

¹⁶ Ср., например: Б. А. Ларин, Вопросник по топонимике, — «Очерки истории языка», Л., 1960 («Уч. зап. ЛГУ», № 267. Серия филол. наук, вып. 52); С. Б. Веселовский, Топонимика на службе у истории, — «Исторические записки», [М.], 1945, 17, стр. 29 и сл.

¹⁷ См.: «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым», ч. IX, 1 полутом, СПб., 1907, стр. XXXVII и XXXVIII (далее — «Образцы...», IX).

нетически; например: *Koschagatsch* (в русском переводе — «Торг. снош.», 345: *Кожо-агац*) и монг. *Choschamodun* (*Хоша-мудун*) — название местности (она «находится верст 15 ниже того места, где Чуя образуется из соединения рек Юстут, Сайлу-кем, Кокорю и Кызыл-чин» — *Aus Sib.*, II, 238); киргизск. *Ku Ertis* и монг. *Ku Irtsis* (*Aus Sib.*, I, 8). Подобные эквивалентные пары, совпадая в основной своей части, могут различаться разноязычными географическими терминами, входящими в состав этих топонимических эквивалентов, например: гидронимы-эквиваленты *Kā-kām* и *Kā-kōl* («Образцы...», IX, стр. III), *Усна-kōl* и *Усна-талай* «озеро Убса» («Образцы...», IX, стр. XV). Наблюдаемые В. В. Радловым эквивалентные топонимические пары типологически близких языков можно рассматривать как еще одну градацию в ряду топонимических эквивалентов (разноязычные параллели для обозначения одного и того же географического объекта) и топонимических вариантов (они существуют у народов — носителей близкородственных языков и диалектов для обозначения одного и того же природного объекта).

В. В. Радлов с его повышенным интересом к фонетике тюркских языков неизменно уточнял, какую фонетическую форму имеет топоним у той или иной родственной народности, т. е. (если прибегнуть к современной терминологии) записывал все топонимические варианты. Такие топонимические варианты могут иметь своей основой неодинаковое качество одних и тех же согласных (например: *Karassu*, *Karasu*, *Karassa* — *Aus Sib.*, I, 44, 52, 55; *Sossula*, *Sossulan*, *Ssussulan* — *Aus Sib.*, II, 194, 195, 209) или гласных в разных тюркских языках и диалектах (ср. сагайск. «*Мадар-суь*, речка *Matur*» и бельтирск. «*Māдыр* и *Мадыр-суь*, речка *Matur*» — «Образцы...», IX, стр. XXIX), а также неодинаковое отношение этих языков к конечному -*з* (ср. гидроним *Ail-i-kām* и *Ail-ge-kām* — «Образцы...», IX, стр. II). Особенно характерны для топонимических вариантов консонантные соответствия *n ~ m* (река *Mrass/Myras*, «называемая татарами *Pras*» — *Aus Sib.*, I, 7, 213), *b ~ n*, *ç ~ ш* (ср. названия местностей «*Шына*», реке: *Чына*» и «*Шыра-пулак*, реке: *Чыра-пулак*, *Шыра-булак*» — «Образцы...», IX, стр. XVII), *j ~ дж* (ср. *Jarkent* и кирг. *Dschar Kent* — *Aus Sib.*, II, 378, 383), *ç ~ т* (ср. солонск. *Tschischkan* и кирг. *Tischkan* — там же, 379), как и различные мены сонорных (поселение солонов в Илийской долине Радлов записал в формах *Samar* и *Samal* — *Aus Sib.*, II, 378, 383; ср. сибирский гидроним «*Пажан-кол*, обыкновенно: *Пажаң-кол* и *Пажаң-бол*» — «Образцы...», IX, стр. IX), осложненные иногда чередованиями гласных (например, для

«урочища *Булунтагай*» записан вариант с оканьем *Болунтогай*, а «по-киргизски *Бурул-тогай*» — «Торг. снош.», 358, 361).

В топонимических вариантах представлена также регрессивная ассимиляция согласных (ср. качинск. «*Аскыс-суф*, речка Аскыс» и сагайск. «*Аккыс-суф, сүг*, речка Аскыс» — «Образцы...», IX, стр. XXI и XIX) и явления метатезы («*Сәскәй*, также *Сәксәй*, хребет» — «Образцы...», IX, стр. XII), иногда осложненной вставкой или, наоборот, утратой гласного. Так, для гидронима *Абакан* приводились также варианты *Абыбан*, *Аббан*¹⁸, *Абыбан* («Образцы...», IX, стр. XVII).

2. Записываемая наряду с местным топонимом его русскую адаптированную форму, Радлов дает современным исследователям богатый материал для установления путей и способов этой адаптации. Особенно много сведений можно почерпнуть у него по части фонетического освоения местных топонимов русскими.

В области вокализма при адаптации чаще всего происходит утрата гармонии гласных и по губному, и по небному притяжению, причем один губной гласный может сохраняться — либо в начальном слоге, либо в конечном, а иногда — и в серединном слоге. Например, телеутск. *Улулү* превращается в русск. *Улала* «селение и река, прав. приток р. Катунь в Бийском округе Томской губернии» (Катанов, I, 30); ср. алтайск. *Kütschü Ulögön, Jän Ulögön* и русские наименования тех же рек *Малый Улгемен* с вариантом *Улэгон* («Торг. снош.», 377) и *Большой Улгемен* (Aus Sib., I, 50, 51). Алтайск., телеутск. *Уркүт* адаптируется «р. *Иркут*, лев. приток Ангары» (Катанов, I, 30); алтайск. *Kongodoi* — русск. *Angodai*¹⁹ (Aus Sib., I, 325, 326). Иногда же русский *у* возникал на месте нелабиализованных гласных, например: сагайск. *Мадар-суф* и бельтирск. *Мәдыр, Мадыр-суф* превратилось в русское название речки *Мәтур* («Образцы...», IX, стр. XXIX). Сингармонический ряд заднего образования в ряде случаев мог частично палатализоваться: телеутск. *Ыңырбы ай (су)* — «селение и река Инирга в Томской губ.» (Катанов, I, 34); кызыльск. *Сарас* — «*Сереж, Сераж* (по карте А. Ильина), имя одной речки в Ачинском округе Енисейской губ.» (Катанов, II, 68). Нарушения гармонии гласных по небному притяжению отмечены при адаптации сагай-

¹⁸ См.: Н. Ф. Катанов, Алфавитные указатели собственных имен, встречающихся в I и II томах Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым, СПб., 1888 (далее — Катанов, I или II), II, стр. 8.

¹⁹ У Сапожникова («Пути по Русскому Алтаю», стр. 61 и сл.) отмечен вариант с сохранившейся лабиализацией — *Онудай* (приводится по кн.: В. В. Бартольд, Памяти В. В. Радлова, стр. 173).

ских топонимов русскими: «*Чабал сӯ* — русск. *Чебалсѹк*», «[село] *Чалбарты* — русск. *Челбарты*»²⁰.

В консонантизме осваиваемых топонимов также происходили разнообразные изменения. Это чаще всего озвончение начального *n*-, переход инлаутного *-j-* в *-ч-* или *-дж-*, например, алтайск., телеутск. *Пајат* — «*Бачат, Пачат* или *Баджат*, имя телеутской реки, селения, местности в Томской губ.» (Катанов, I, 21); сагайск. *Паза сѹе* — русск. *База, Пѣ сӯ* — русск. *Бѣя, Пѣрѣсӯ* — русск. *Бюра*. Иногда озвончение *n* сопровождается метатезой: *Усна-kōi*, *Усна-талаи* в русском языке превратились в озеро *Убса* («Образцы...», IX, стр. XV). Конечный *-n* субституируется иногда посредством *-k*, а начальный *n*- переходит в *m*-, например: сагайск. *Нōнып* превратилось в «деревню *Мōнок*» («Образцы...», IX, стр. XXIX). Наблюдается также замена *c* и *з* посредством русского *ш*, например, сагайск. *Сус* > русск. *Шуш, Шушенское*; *Тазōба сӯ* — русск. *Ташеба* (Катанов, I, 51, 52, 53).

При освоении местных топонимов русскими происходят также процессы стяжения непонятного словосочетания в одно слово: например, из *Pasch-Kōbüsi* («der „Vielquellige“») возникает *Vaschkkaus* — р. *Башкаус* (Aus Sib., I, 97), из алтайск. *Улан-Пыратты* — название реки *Уландрык* или *Улан-бура* (Катанов, I, 29). То же стремление к слиянию словосочетания в одно слово в результате максимального опрощения его (опущение «излишних» формантов, стяжение похоже звучащих слогов)²¹ можно заметить при сравнении топонимических записей В. В. Радлова с показаниями современной литературы. Так, В. В. Радлов в своем описании «Средней Зерафшанской долины» (стр. 3) отме-

²⁰ N. F. Katanoff, Verzeichniss der sagaischen Namen der Flüsse, Dörfer, Städte und Stämme, welche die Unterthanen des Steppengerichts der vereinigten Stämme (an der Mündung der Askys) bilden, — «Bull. de l'Acad. Imp. des sciences de St.-Petersbourg», XXXII, 1, 1887, стлб. 53 (далее — Катанов). В этой работе, осуществившейся параллельно с составлением «Алфавитных указателей», Н. Ф. Катанов систематизировал значительную часть топонимов, приведенных в I и II томах «Образцов...» В. В. Радлова.

²¹ Ряд исследователей отмечают как общую черту топонимов их стремление к наиболее краткой, удобопроизносимой форме (см.: Д. Х. Кармышева, Об отрицательных последствиях частых переименований населенных пунктов Средней Азии и Казахстана, — «Топонимика Востока», М., 1962, стр. 169; М. М. Маковский, Реконструкция диалектных лексических моделей методом топонимического анализа, — «Вопросы географии», сб. 70, М., 1966, стр. 80). Сам Радлов для гидронима *Aschjaktu* восстанавливает его полную форму *Apschyjaktu*, снабжая ее переводом «где Старик [медведь] обитает/живет» (Aus Sib., I, 42).

чает «горы хребта *Нуратанынг-тага*»²², на недавней карте Узбекской ССР находим: *Нурота тизмаси*²³, т. е. в топониме произошла утрата аффикса родительного падежа. Русская передача этого топонима санкционировала также утрату одного из одинаково звучащих слогов, оказавшихся теперь в непосредственном соседстве: «хребет *Нуратау*»²⁴ (т. е. *Нура [та]гау*), хотя этот слог удерживается в случае перевода географического термина *тау/таг*: «*Нуратинские горы*»²⁵.

«Славянизация» местных топонимов осуществлялась и морфологическим путем — в результате присоединения к ним тех или иных русских топоформантов: 1) *-а, -я, -ь* — телеутск. *Пи су* — русск. р. *Бия* (Катанов, I, 20), алтайск. *Чйи* — русск. *Чуя* (там же, 32), качинск. *Нин* — русск. р. *Ниня*, левый приток Абакана (Катанов, II, 60), сагайск. *Кās* (или *Кāш*) — русск. р. *Кāча*, *Тес* — русск. р. *Тесь*; 2) *-ы* — *Сос* — русск. дер. *Сосы*; 3) *-инское/ая, -енское, -ское* — *Ут* — русск. деревня *Утинская*, *Тес* — русск. село *Тесинское*, *Сус* — русск. село *Шушенское* (Катанов, 50, 52, 53); качинск. *Таштын* — русск. село *Таштынское* в Минусинском округе Енисейской губ. (Катанов, II, 75).

В материалах В. В. Радлова вполне четко прослеживается «семантическая преемственность топонимов при изменении языковой их принадлежности»²⁶ — многие, казалось бы, совсем русские географические названия Сибири оказываются кальками с дорусских топонимов, этимология которых еще была жива²⁷. Сюда относится «русское поселение *Тепло-Ключинская*, киргизами именуемое *Arassan*», т. е. «теплый или минеральный источник (ключ)» (Aus Sib., I, 112); г. *Красноярск* из качинск. «*Кызыл Чар* (красный берег)» (Катанов, II, стр. 46, 80)²⁸. Материалы В. В. Рад-

²² См. также в «Истории полувековой деятельности...» (ч. I, стр. 295): «...между хребтами *Нуратанынг-Ак-Таг* и *Нуратанынг-Кара-Таг*». Здесь, как и в передаче Радлова, опущен посесивный показатель при определяемом.

²³ «Узбекистон ССР» картаси, Тошкент, 1964 («Узбекистон географияси», 8. синф, Тошкент, 1964).

²⁴ БСЭ², 44, стр. 8 (ср.: В. М. Четыркин, Средняя Азия, М.—Л., 1958, стр. 95: «хребет *Нура-Тау*»). При русской адаптации такая тенденция, видимо, проявилась довольно рано — о «горах *Нура-тау*» см.: «Россия», т. 19. «Туркестанский край», СПб., 1913, стр. 75.

²⁵ См.: Н. Л. Корженевский, Средняя Азия, Ташкент, 1941, стр. 69; «Средняя Азия», М., 1958, стр. 82.

²⁶ Э. М. Мурзаев, Топонимика и география, — «Вестник МГУ», Серия V. География, 1963, 3, стр. 15.

²⁷ См.: В. А. Никонов, Введение в топонимику, М., 1965, стр. 124.

²⁸ Позднее точно так же рассматривал этот топоним и А. П. Дульзон в статье «Дорусские топонимы Средней Сибири» («Вопросы географии», сб. 70, стр. 41).

лова показывают, что топоним *Кызыл Чар* не был единичным среди местных названий поселений в Сибири: недалеко от устья р. Мрассы была расположена деревня под таким же названием *Kysyl-jar* (Aus Sib., I, 346); ср. еще название местностей *Ары-чър, Обур-чър, Торгун-чър* и *Ос-чері* («Образцы...», IX, стр. II, IX, XIV, XXXI). Недавно И. А. Воробьева указала на то, что «...до XIX в. в сибирской топонимике существовали названия поселений, данные по высокому красному берегу реки — яру, ... д. *Красноярская...*, д. *Красноярва*», «*Красный Яр*»; она считает топонимы этого рода «довольно поздними образованиями»²⁹. Материалы В. В. Радлова позволяют изменить эту датировку и рассматривать эти топонимы как кальки с местных названий поселений или местностей. По-видимому, кальками с соответствующих тюркских топонимов являются и многочисленные русские названия сел *Красный Яр* в Саратовской, Волгоградской, Астраханской и Куйбышевской областях РСФСР³⁰. Нередко случалось, что калькирование было частичным — в местном топониме, представлявшем собой определительное словосочетание того или иного типа, переводился лишь один его компонент, в одних случаях — определение (например, кызыльск., кюзэрикск. *Ак Ыс* — русск. р. *Белый Юс* или *Июс*, *Кара Ыс* или *Арғи Ыс* соответственно имел двойной перевод *Старый* или *Черный Юс* — Катанов, II, 7, 79), в других — определяемое — географический термин (качинск. *Ес Пелтірі* — русск. «село *Усть-Есь* в Минусинском округе Енисейской губ.», Катанов, II, 21).

Таким образом, для топонимики Сибири, района, сравнительно поздно заселенного русскими, материалы В. В. Радлова представляют дополнительную ценность еще и тем именно, что в ряде случаев помогают вскрыть самый механизм возникновения русского наименования³¹.

3. Почти каждый приводимый топоним В. В. Радлов со-

²⁹ И. А. Воробьева, Словообразование русской топонимики Западной Сибири, — «Филологические науки», 1965, I, стр. 157. Во всяком случае уже П. С. Паллас упоминал о деревне *Красноярской*, около которой «имеются высокие песчаные берега со слоями булыжника наподобие морского дна», и о деревне *Белой Яр*, близ которой «состоит реки берег из мелового суглинка» (П. С. Паллас, Путешествие по разным местам Российского государства, ч. 2, кн. 1, СПб., 1786, стр. 425). Ср. в Челябинской обл. пос. *Крутоярка*, узб. *Қизил жар қишлоғи* в Сурхандарьинской области.

³⁰ См., например: БСЭ², 23, стр. 280.

³¹ Как писал Д. Н. Егоров в книге «Славяно-германские отношения в средние века» (т. I, М., 1915, стр. 463—464), «Ценно не столько самое имя [имеется в виду топоним.— Г. Б.], сколько дача имени, если этот момент, по счастливой случайности, зафиксирован в каких-либо наших источниках»

проводил усиленной попыткой этимологизации его, подчас давая смысловой перевод топонима, в отдельных случаях поддержанный описанием реальных свойств самой географической реалии (например, «горная гряда *Ulan Ola*» сопровождается переводом «Красные горы» и тут же добавляется: «они действительно имеют красноватую окраску» — *Aus Sib.*, II, 215). Иногда смысловой перевод поддерживается косвенным указанием на отношение местного населения — скотоводов и охотников — к природным объектам; таковы оронимы: небольшая гора под названием *Etschki Turū* («стоянка, местопребывание коз»), высокая гора *Kotschkorok* (Радлов пометает: «там должно жить очень много горных козлов», — *Aus Sib.*, I, 60). Иногда же смысловой перевод поясняется бытующей среди местного населения легендой; так, при упоминании о броде через р. Катунь, имеющем название *Kör-Kötschū* «мостовой брод», приводится легенда о сказочном богатыре, использовавшем в качестве моста две огромные скалы, которые находятся друг против друга по обоим берегам р. Катунь (*Aus Sib.*, I, 53). Не пренебрегает В. В. Радлов и народной этимологией, почти всегда сразу же критически оценивая ее³². Так, сообщая, что «татары называют Кузнецк *Aba-tura*», Радлов тут же поясняет: «Это имя, очевидно, произошло от речушки *Aba*, которая недалеко от Кузнецка впадает в Томь». И добавляет далее: «Народная же этимология выводит его [название *Aba-tura*. — Г. Б.] из *Aba-Stadt* „Vaterstadt“ (от *Aba* „отец“) и называет в противоположность *Aba-tura* (*Vaterstadt*) город Бийск *Jasch-tura* „die junge Stadt“» (*Aus Sib.*, I, 74). Пример более развернутой этимологии топонима — в *Aus Sib.*, I, 70 (*Алтай*).

III. Труд «*Aus Sibirien*», как и другие географические и историко-археологические труды ученого, позволяет проследить самый топонимический анализ у В. В. Радлова — как он производит, какие результаты получаются.

1. Топонимический анализ исследователя состоит, прежде всего, в выделении географической номенклатуры внутри изучаемой топонимии. В результате выявлено, например, употребление слова *баш/бас* «голова» в качестве географического термина «начало/исток (реки)»; примечательно, что, сочетаясь с соответствующим гидронимом, этот термин функционирует то (у телесов, гесп. алтайцев) как название озера³³

³² В отдельных случаях В. В. Радлов все же отдает дань наивной этимологии, например: «После слияния [Бии и Катунь. — Г. Б.], река стала называться *Obj* (т. е. *Veide* {обеи. — Г. Б.})» (*Aus Sib.* I, 6).

³³ Именно в связи с местным принципом названия озера по реке, в бассейн которой оно входит, следует рассматривать и соответствующие русские названия озер (ср.: И. А. Воробьева, Русские названия озер Западной Сибири, — «Лингвистический сборник», Томск, 1964, стр. 76).

(*Sai Konysch Bashy, Arsajak Bashy* — Aus Sib., II, 167, 166; ср. *Abakanung Bashy* — там же, 169), то как ороним (*Saldschas bashy* «Saldschar Quelle — Aus Sib., I, 55).

Надо сказать, что всегда, где бы ни путешествовал В. В. Радлов, к гидронимам он проявлял особенно пристальное внимание. Если проследить и суммировать его наблюдения в этой части топонимии, получается, что В. В. Радлов первым заметил особо важную роль гидронимов в сибирской топонимии — позднее В. Б. Шостакович, не знакомый с работами В. В. Радлова, назовет эту особенность сибирской топонимии «ориентировкой по гидрографической сети края»³⁴. Из материалов, собранных В. В. Радловым, видно, что многие местные оронимы собственно представляют собой название протекающей близ реки плюс соответствующий номенклатурный термин, например: «вершина р. Чулышмана», «вершина р. Чулчи», «вершина р. Чуи» («Торг. снош.», 353, 380). См. также «*Кандабайт*, речка, также находящаяся при ней гора, караул и местность», «*Kärbis*, речка и гора» («Образцы...», IX, стр. IV, VI); известную связь гидронимов и оронимов можно заметить и в монгольской топонимии, ср. оз. *Tsagan-Nor* и горный хребет *Tsagan Burgasun Daba*, р. *Boroburgasun* и горы *Boroburgasun-u-Chürün-Chairan* (Aus Sib., II, 213, 197). Позднее это же соотношение гидронимов и оронимов будет наблюдено В. Б. Шостаковичем на материалах Сибири, Э. М. Мурзаевым у киргизов Тянь-Шаня и в топонимии Синьцзяна, М. А. Абдрахмановым и А. А. Бонюховым в топонимии Шории³⁵.

С помощью Н. Ф. Катанова было установлено также, что ряд местностей в Сибири одноименен с протекающими там реками, например: «*Ајаңбат*, также: *Ајаңбатты*, речка, местность», «*Känd ĵrgäi*, речка и местность», «*Kölicyktüg*, речка и местность», «*Köndälän*, речка и местность», «*Türğän-orū*, течение речки Т. и местность при ней», «*Чыланнаб*, местность и речка» и особенно показательное «*Чабанар*, обыкновенно: *Чабан-арыб*, речка и местность» («Образцы...», IX, стр. I, VI, VII, XV, XVI).

Из материалов В. В. Радлова с очевидностью явствует, что многие населенные пункты Сибири также названы по

³⁴ В. Б. Шостакович, Историко-этнографическое значение названий рек Сибири, — «Известия ВСО РГО», т. XLIX — Сб. секций землеведения и экономической, вып. 2, Иркутск, 1926, стр. 117.

³⁵ См.: Э. М. Мурзаев, К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-Шаня, — «Известия ВГО», 1940, т. 72, вып. 3, стр. 318; его же, Топонимика Синьцзяна, — «Топонимика Востока», М., 1962, стр. 20; М. А. Абдрахманов, А. А. Бонюхов, Топонимические названия Шории, — «Язык и топонимия Сибири», I, Томск, 1966.

именам рек, на которых они расположены, см. называвшиеся выше *Aba-tura* и *Pi-tura*, речка и «татарская» деревня с одним названием *Taschtü* «Каменистая» (Aus Sib., I, 101), «деревня *Kydshy aly* на реке *Kydshy*, притоке р. *Psass*» (там же, 355); ср. также «*Нонып-суб*, речка Монок» и «*Нонып*, деревня Монок» («Образцы...», IX, стр. XXIX). Этот же принцип именования распространился и на русскую топонимию Сибири и прилегающих районов Казахстана — например, русские пикеты, одноименные с соответствующими гидронимами, *Sary Bulak* (Aus Sib., I, 115 и 466), *Kara Bulak* (там же, I, 466), *Sök* (Aus Sib., II, 147); деревня *Безрукова* имела другое название — *Протока*, так как она «находится на рукаве р. Томи» (Aus Sib., I, 75), не говоря уже о таких названиях сибирских городов, как *Томск*, *Иркутск*, *Селенгинск*, *Бийск*, *Абакан*. Безусловно, этот принцип применим и к сообщаемым И. А. Воробьевой фактам, когда русские «заимки и деревни получают названия по рекам»³⁶. Русские топонимы г. *Красноярск* и упоминаемые И. А. Воробьевой деревни *Красноярская*, *Красноярова*, *Красный Яр* также гидронимичны по самой своей сути, представляя собой кальки с тюркских названий населенных пунктов, при именовании которых учитывалось их положение по отношению к реке (*jar*, *чар*, *дэжар* «высокий берег реки») — ср. поселения под именем *Kysyl jar* (Aus Sib., I, 346), *Кызыл Чар* (Катанов, II, 46, 80); ср. также названия местностей «*Сыр чері*, местность при речке Сыр: сагайск.», *Обүйр-чяр*, *Төргүйн-чяр* («Образцы...», IX, стр. XXXV, IX, XIV). Называние населенных пунктов по именам рек свойственно и монгольской топонимии (например, г. *Kobdo* и р. *Kobdo* — Aus Sib., II, 217), причем даже и те кочующие *ürtö* («станции»), которые давно покинули берега рек, чьими именами они названы, продолжают сохранять это название — таково *ürtö Boroburgasun* (там же, 238), а *ürtö Kongyr Ölöng*, одноименное с рекой, при Радлове находилось на реке *Namyr-jang* (там же, 210).

Сибирские гидронимы, как отметил В. В. Радлов, активно участвуют в образовании местной этнонимии: алтайцы (Aus Sib., I, 257) и шорцы Северного Алтая «называют сами себя по рекам, на берегах которых они живут, — *Pysas kishi* (Psass-Leute), *Myras-kishi* (Mrass-Leute), *Tom kishi* (Tom-Leute)» (Aus Sib., I, 213).

2. В итоге оказывается, что совершенно исключительное место наименований рек в топонимии Сибири было обнаружено В. В. Радловым уже во второй половине прошлого ве-

³⁶ И. А. Воробьева, Словообразование русской топонимики Западной Сибири, стр. 156.

ка. В то же время ученый и в этом случае отчетливо видел, как при наличии главенствующего принципа топонимического названия рядом с ним уживаются и другие, менее распространенные способы именованя. Он приводил, например, названия «татарских» улусов, имеющих прямую связь с соответствующим микрооронимом: *Ulus Ak kaja* («белая скала»), *Ulus Kysyl kaja* («красная скала») (*Aus Sib.*, I, 81, 351); ср. также «местность *Кая-баш* (голова утеса)» в 100 км от устья р. Кемчик по правому берегу Енисея³⁷. Иногда с микрооронимом оказывался связан и этноним в Сибири: «*кызылбаја* [*Schog. W.*, воп *кызыл + кая*] инородческое племя на р. Мрасе у устья реки Кобарсу»³⁸; Радлов отмечал, что «жители Алтая и восточные соседи их... называют себя по горам и рекам, при которых живут»³⁹. Подобные же соотношения оронимов и названий населенных пунктов прослеживаются и на сопредельных с Сибирью территориях, ср. горный хребет *Altyn Emel* и русск. пикет *Altyn Emelski* (*Aus Sib.*, II, 373) или в северной части «киргизской степи» хребет «Алджан-тау или *Аркат-тау* у пикета *Аркат*» («Письма Радлова...», стр. 325).

3. Вскрывая самый механизм топонимического именованя, В. В. Радлов подводит нас собственно к исследованию соотношений и взаимодействий между разными отделами топонимии. Продолжая свои наблюдения над гидронимией и ее взаимодействиями с названиями других групп географических объектов в только что занятой русскими долине среднего течения р. Зеравшан (современный Узбекистан), ученый своими материалами показал, что соотношения и взаимосвязи гидронимов внутри топонимии разных территорий, хотя бы и населенных народами, говорящими на родственных языках,— разные. Первым из европейских исследователей географии и топонимии Средней Азии В. В. Радлов в работе, написанной в конце 1868 г., заметил, что «река или ручеек носит у всякого селения название самого селения или селение название речки, вследствие чего река в разных местах носит различные названия. Так, например, называется *Кара-абдал* в своем верхнем течении *Кара-абдал-булак*, потом *Яр-булак*, потом *Чарык-булак*, наконец *Джума-базар-булак*, всегда по

³⁷ См.: И. С. Боголюбский, Исследование древностей Минусинского округа Енисейской губ. в 1881 г.,— «Изв. Вост.-Сиб. отдела РГО», 1882, т. XIII, № 3, стр. 45.

³⁸ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. II, СПб., 1899, стлб. 828.

³⁹ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. III. Киргизское [т. е. казахское.— Г. Б.] наречие, СПб., 1870, стр. XIII.

названиям селений, находящихся на ее берегах» («Ср. Зерафш.», 6)⁴⁰. Стремясь зафиксировать все многообразие языковой действительности и сложные переплетения в топонимии, Радлов был чужд навязывания материалу каких-либо априорных схем. Как правило, он чутко регистрирует и факты, казалось бы, противоречащие уже описанному. И в рассматриваемом случае он сразу же отметил в среднеазиатской топонимии противоположную тенденцию в названии географических объектов, конкретизируя ее так: «Напротив того, селения *Катгы-сай* (большой овраг), *Тас-кечу* (весенний брод), *Саук-булак* (холодный ключ), *Орта-булак* (средний источник) получили непременно свое название от протекающих по ним ручьев» («Ср. Зерафш.», 6). Аналогичное «столкновение» противоположных тенденций названия в монгольской топонимии видно из записанного В. В. Радловым случая, когда река, обычно именуемая *Borochudsir*, называется по имени селения, расположенного на ее берегах, *Turgen* (Aus Sib., II, 382). В сибирской топонимии им отмечен случай необычного названия речки по орониму — *Kysyl-tasch*⁴¹ (Aus Sib., I, 42).

На основании материалов В. В. Радлова напрашивается вывод о том, что внутри топонимических систем близкородственных или типологически близких языков допускается совмещение разных принципов названия одних и тех же географических объектов, хотя удельный вес совмещающихся

⁴⁰ То, что «реки в мусульманской Средней Азии часто называются по именам городов, лежащих или на берегах их, или их притоков, или же в некотором отдалении», а также вытекающая отсюда множественность названий одной реки были известны еще и древним арабским и среднеазиатским географам: «Так, Сейхун (древн. Яксарт) называется, например, у Масуди (X в.), Якута (XIII в.), Абульфеды (XIV в.) Ходжендскою рекою, рекою Шаша (Ташкента), Ферганы и т. п.» (Н. Н. Пантусов, Фергана, по «Запискам» султана Бабера, — «Зап. РГО по отделению этнографии», СПб., 1880, VI, стр. 183). То же самое наблюдается в географических описаниях Средней Азии, содержащихся в «Бабур-наме» (рубеж XV—XVI вв.). В наше время на материалах гидронимии Синьцзяна и шире — всей Внутренней Азии — подобные же наблюдения сделал Э. М. Мурзаев (см. его кн. «Средняя Азия», М., 1947; его же, Топонимика Синьцзяна, стр. 19, 20; его же, Топонимика и география, стр. 14). Чрезвычайно примечательно то, что в топонимии эстонского языка, который, как и все финно-угорские языки, обнаруживает типологические сходства с тюркскими языками, зафиксирован тот же способ названия озер, речек и ручьев по именам поселений, та же множественность названий для одной реки (материалы по этой части эстонской гидронимии см.: В. Палль, О названии рек и озер в северной части бывшего уезда Тартумаа, — «Emakeele Seltsi aastaraamat», VII, Tallinn, 1961, русск. резюме, стр. 85).

⁴¹ В этой связи можно указать приводимые В. В. Радловым гидронимы, имеющие, конечно, совсем иной характер, но точно так же связанные с некоей микротопонимической приметой: речки *Jangys Kaing* («одинокая береза»), *Jangys Agasch* («одиночное дерево») — Aus Sib., I, 116,

принципов совсем не одинаков в каждой из таких топонимических систем — ср. преобладание «гидронимической ориентировки» в Сибири и Монголии и почти регулярное название реки по селениям в Средней Азии.

IV. Современные топонимисты подчеркивают обязательность комплексного применения приемов лингвистического, исторического и географического анализа при изучении топонимии. Надо сказать, что уже в 60-х годах прошлого века В. В. Радлов с его комплексным историко-филологическим образованием и живым интересом к исторической этнографии, которая, по его мысли, «должна основываться на лингвистических началах»⁴², к археологии Сибири, всестороннему изучению настоящего и прошлого которой он самоотверженно посвятил лучшие годы своей жизни, первым сделал попытку интерпретировать своеобразие гидронимии Северного Алтая, бассейна рек Томи и Чулыма во всем контексте найденных им лингвистических, этнографических (Aus Sib., I, 188—189) и историко-археологических данных (Aus Sib., II, 142). Там, где это удавалось, он привлекал сохранявшиеся порой в устных преданиях аборигенов Сибири или в научной литературе сведения о миграциях сибирских народностей, сообщения о том, какие народности и племена были тюркизованы лишь впоследствии, а по своему этногенезу принадлежали к иноязычным группам: такими были, в частности, саянцы, койбалы⁴³, а также камасинцы, о которых, как напомнил Радлов, М. А. Кастрен писал, что они еще говорят на своем языке; В. В. Радлов застал «лесных камасинов» говорящими уже на «качинском наречии», т. е. на хакасском языке (Aus Sib., I, 205, 209, 210). В результате своих изысканий В. В. Радлов проникся уверенностью, «что енисейцы, совершенно отличающиеся по языку от урало-алтайских племен, собственно самые древние жители Сибири» и «именно угро-самоеды оставили нам все найденные в Сибири древности, относящиеся к бронзовому периоду»⁴⁴. Отмечая, что в XIX в. котты, «арины и ассаны совершенно исчезли», он подчеркивал в то же вре-

⁴² В. В. Радлов, А. А. Куник, рец. на монографию Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар», СПб., 1887 (отд. отт.), стр. 3.

⁴³ В. В. Радлов, Древние аборигены Сибири, — в кн.: «Живописная Россия», под общ. ред. П. П. Семенова, т. XI, СПб.—М., 1884, стр. 9. В отношении «абаканских татар» он писал, что они «представляют собою смесь самых разнообразных и разнородных племен, но долголетним обращением между собою они слились в отношении языка и обычаев почти в одно целое, отмечая в их составе «бельтиров, ... койбалов и маторов, ... аринов и ассанов» (В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. II, СПб., 1868, стр. X).

⁴⁴ В. В. Радлов, Древние аборигены Сибири, стр. 8, 9.

мя: эти племена «только оставили следы своего прежнего существования в названиях притоков Томи и Чулыма»⁴⁵. Комплексный подход к изучению вопроса позволил В. В. Радлову увязать гидронимию на *-sas/-säs* и на *-tat/-tät, -dat/-dät* с разными диалектами кетоязычных (или, как он писал, енисейско-остяцких) народов — коттов, аринов и кетов (*Aus Sib.*, I, 188—189): «окончания *zas, zäs, zos, dat, dät*» в гидронимии Северного Алтая (*Pyzas, Pyrzas; Anzas, Künzäs, Inzäs, Onzos*) и в названиях притоков р. Чулыма (*Ardat, Cardat, Ir-dät*), по его мнению, «образовались из енисейско-остяцкого слова *säs* (вода) посредством воздействия гармонии гласных»⁴⁶. Идеи В. В. Радлова развиты в многочисленных трудах А. П. Дульзона, который первым ввел в научный обиход эти интереснейшие и вполне научно обоснованные наблюдения⁴⁷. Из сказанного ясно, что начало формантному изучению гидронимии Сибири положил В. В. Радлов, а не В. Б. Шостакович, как иногда это утверждается⁴⁸.

V. Таким образом, своим «*Aus Sibirien*» В. В. Радлов положил добротнейший фундамент для дальнейших топонимических разысканий. На следующем этапе своей работы В. В. Радлов углубляется в исследование истории тюркских языков — он принимает участие в расшифровке енисейско-орхонских рунических надписей древних тюрков. Многие из этих надписей, повествуя о военных походах древних тюрков, содержали значительный топонимический материал. В работе Радлова «*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*», как и в его трудах о древних памятниках уйгурского языка, представлены все ступени работы по дешифровке также и топонимического материала. Разгадывается написание слова, по большей части не имеющее огласовки, предлагается вероятное или допустимое чтение с восстановлением гласных звуков слова; это чтение впоследствии не раз уточняется; устанавливается значение слова.

Глубокое исследование сибирской и монгольской топонимии, географической номенклатуры, выявление принципов

⁴⁵ Там же, стр. 9.

⁴⁶ W. Radloff, *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, Leipzig, 1882, стр. 42.

⁴⁷ В своей статье «Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимии» («Уч. зап. [Томского пед. Ин-та], VI—Серия физико-математ. и естественно-географ. наук, 1950, стр. 178 и сл.) А. П. Дульзон подробно излагает идеи и материалы В. В. Радлова, ссылаясь на его «*Aus Sibirien*», «*Phonetik der nördlichen Türksprachen*», «*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*» (St.-Pbg., 1895).

⁴⁸ См.: В. А. Никонов, *Топонимика в историко-географической этнографии*, М., 1964 («VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., август 1964»), стр. 5.

топонимического наименования помогло В. В. Радлову выделить многочисленные топонимы при дешифровке древнетюркских рунических надписей с Орхона и Енисея, а в ряде случаев — идентифицировать выделенные топонимы с ныне существующими, фактически демонстрируя неизменность отдельных топонимов на протяжении тысячелетия. Таким неизменяющимся оказался ряд географических имен, сохранившихся в монгольском языке, как письменном, так и в живых говорах⁴⁹, и среди них такие, например, как гидронимы *Сайлаңа*⁵⁰ — р. Селенга, *Тобла* (Altt. Inschr., 2, стр. 127; 1, стр. 61; 3, стр. 191) — р. Тола (приток р. Орхона). Большинство таких названий было отождествлено почти сразу В. В. Радловым и другими первыми исследователями орхонских памятников благодаря обстоятельному знакомству с монгольской топонимией.

При выделении и опознании топонимии в текстах древнетюркской письменности исследователю помогала выработанная им методика. Так, неизменное внимание В. В. Радлова к фонетике топонимии позволило ему отождествить как топонимические варианты принадлежащие родственным языкам и диалектам формы *Кяңү-тарбан*⁵¹ (X 18, 1) и *Кяңү-Тарман* (K 21, 11) которые встречаются в разных рунических надписях (Altt. Inschr., 1, стр. 15, 53; 2, стр. 111, 123). Точно также отождествляются топонимические варианты *Артиш үгүзін* в памятнике в честь Кюль-тегина и *Артис үгүзін* в памятнике в честь Бильге-кагана и идентифицируются как р. Иртыш (Altt. Inschr., 1, стр. 21, 61; 2, стр. 92). Основываясь на обычном для тюркской топонимии использовании терминов цветообозначения, В. В. Радлов выделяет топонимы *Кара-көл* (Kb 2₁₆ — Altt. Inschr., 2, стр. 106) и *Кара-Саңир* (KK 5₃, 5_{4,11}, 1₄ — Altt. Inschr., 3, стр. 361).

⁴⁹ См.: Б. Я. Владимирцов, Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском, — ДАН, Серия В, 1929, № 10, стр. 170.

⁵⁰ См.: W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Lfg. 1—3, St.-Pbg., 1894—1895 (далее — Altt. Inschr.), 3. Lfg., стр. 197.

⁵¹ Впоследствии С. Г. Кляшторный идентифицирует Кяңү Тарбан и Тарбанд, резиденцию царя Шаша, локализуя Кяңү Тарбан между восточной границей Согда (Сыр-Дарья) и западными областями тюркского каганата (С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1962, стр. 157). Из отечественных востоковедов идентификацией выделенных В. В. Радловым древнетюркских топонимов занимались, например, П. М. Мелиоранский («Памятник в честь Кюль Тегина», — ЗВОРАО, 1898, XII, стр. 85, 98 и сл.), В. В. Бартольд («Новые исследования об орхонских надписях», — ЖМНП, 1899, ч. XXXV, стр. 235 и сл.), Б. Я. Владимирцов («По поводу древнетюркск. Ötüken yïš», — ДАН, Серия В, 1929, № 7 и «Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском»).

От выпуска к выпуску «Die alttürkischen Inschriften der Mongolei» изменялась, иногда и совершенствовалась подача и толкование топонимов — потому, что «последующие находки документов постепенно давали все более и более ясное понятие о начертании того или иного слова и в таком контексте, из которого легко можно было догадаться также, наконец, и о значении прежде неразгаданного слова»⁵². Это можно проиллюстрировать нижеследующим примером. Выделив топоним *Чуш*, употребившийся в надписях, как правило, в составе словосочетания *Чуш башында*, которое вначале В. В. Радлов переводил «bei der Quelle des Schusch/Tschusch» (Altt. Inschr., 1, стр. 27, 63), ученый колебался, отнести ли его к гидронимам или оронимам: «*Чуш* — Name eines Flusses oder eines Berges (Кб 6₂₀); *Чуш башында* — an der Quelle (auf dem Gipfel) des Tschusch» (Altt. Inschr., 2, стр. 132), все более склоняясь, однако, к переводу *Чуш башында* как «auf dem Gipfel des Tschusch» (там же, стр. 137). Окончательное решение вопроса пришло благодаря привлечению материалов сибирской и монгольской топонимии, где гидронимы и оронимы обнаруживают тесную взаимосвязь. В. В. Радлов принимает оронимическое значение *Чуш башында* — «auf dem Gipfel des Tschusch» (Altt. Inschr., 3, стр. 192, 193); точно так же переводит он и сходные топонимические словосочетания: *Sökläp айдук башда* «auf dem Sökläp genannten Berge» (Altt. Inschr., 1, стр. 59), *Тамаб айдук башта* «auf dem Gipfel des Tamag» (Altt. Inschr., 1, стр. 25, 61, стр. 125).

Богатое собрание древних топонимов сосредоточено в словаре, который приложен к посмертно изданной С. Е. Маловым книге В. В. Радлова «Памятники уйгурского языка». Среди остальной приведенной там древнеуйгурской лексики топонимы выделяются специальной пометой «п. рг. геогр.», которая, правда, довольно часто сопровождается еще знаком вопроса — он относится не только к условности чтения слова, но и к контекстуальной неопределенности выделения его в качестве топонима.

Имея в своем активе ряд правильных отождествлений древних топонимов (в том числе — правильное определение Утүкенской черни, по Б. Я. Владимирцову, — Öтүкенской черни, как «горной страны к западу от Орхона, между Хангаем и Кэнтзем»⁵³), В. В. Радлов очень дорожил любимыми историко-географическими сведениями и стремился разыскать со-

⁵² С. Малов, Предисловие, — В. В. Радлов, Памятники уйгурского языка, Л., 1928, стр. V.

⁵³ См. об этом: В. В. Бартольд, Новые исследования об орхонских надписях, стр. 235.

ответствия топонимам исторических документов в современной тюркской или монгольской топонимии. Так, названия китайских источников р. *So-lin* он истолковал как Селенга (Aus Sib., I, 132), *Pa-he-na* — как Фергана (Altt. Inschr., 2, стр. 170, прим. 8), оз. *Kian-chai* — как Байкал (Aus Sib., I, 132), р. *Ki-mi* — как местное название *Kem* для Енисея⁵⁴ (Aus Sib., I, 139, см. также стр. 2). Рассматривая древнейшие «известия об уйгурах у европейских писателей», В. В. Радлов также стремится географически локализовать упоминаемые там топонимы и привести эквивалент из тюркской топонимии. Говоря, например, о сведениях, сообщаемых Клавдием Птолемеем (Serica, Liber, IV, Cap. 16, 3), Радлов пишет: «Река, называемая здесь *Oixárhoç*, может быть только Тарим, хотя он помещен тут ошибочно на 47½° широты, т. е. далее на юго-запад, чем он лежит в действительности»⁵⁵. В сообщениях арабских и иранских историков и географов (в их числе и Джувейни) исследователя привлекают эквивалентные топонимы разных эпох: «*Урду-Балык*, теперь называют *Мару-Балык*», «город *Биласагун*, который теперь называют *Гыр-Балык*»⁵⁶.

Из сказанного можно составить весьма неполное представление о вкладе В. В. Радлова, одного из первых исследователей древнетюркской топонимии, в дело ее выявления, собирания, истолкования и отождествления с существующей местной топонимией и топонимами историко-географических документов.

VI. Монументальное десяти томное издание «Образцов народной литературы тюркских племен», предпринятое В. В. Радловым, осуществлялось в течение более чем 40 лет (с 1866 по 1907 г.). «Образцы...», за исключением частей османско-турецкой (ч. VIII, собранная И. Куношем), урянхайской (ч. IX, собранная Н. Ф. Катановым) и гагаузской (ч. X, собранная В. Мошковым), содержали материалы самого В. В. Радлова. Семь компактных томов «постепенно охватили народную литературу самых разнообразных племен тюркского происхождения, живущих в Сибири, северной и южной, и в Дзунгар-

⁵⁴ М. И. Казанин во вступительной статье к книге: Избрант Идес и Адам Бранд, Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695) (М., 1967, стр. 31) истолковывает «реку Кемь» как «приток Енисея». Ср.: N. F. Katanoff, Verzeichniss der sagaischen Namen der Flüsse, Dörfer, Städte und Stämme..., стлб. 51: «*Kem* — Fluss Jenissei. Russ. Енисей»; Б. Я. Владимирцов, Географические имена орхонских надписей..., стр. 171: «Орх. *Kem* 'р. Кем — верховье Енисея' = монг.-письм. *kem*...».

⁵⁵ В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах (Прилож. к LXXII т. «Записок Имп. Академии наук», № 2), СПб., 1893, стр. 102.

⁵⁶ Там же, стр. 57, 59.

ской (Джунгарской) степи...»⁵⁷, в том числе и на территориях современной Киргизии («на р. Текесе..., к западу от Иссык-куля... и к югу и востоку от города Токмака»⁵⁸) и Казахстана («в восточной части степи, особенно около Семипалатинска, Сергиополя, Копала, укрепления Верный и на реке Бухтарме» — «Образцы...», III, стр. XVIII), а также в г. Кульдже и в Крыму⁵⁹.

Из десяти частей «Образцов...» только ч. IX, составленная Н. Ф. Катановым, снабжена «Указателями собственных имен» (стр. I—XLVIII), среди которых добрая половина — топонимы. О богатстве топонимии, заключенной в каждом из остальных девяти томов, можно судить по «Алфавитным указателям собственных имен, встречающихся в I и II томах Образцов народной литературы тюркских племен, собранных В. В. Радловым». Составитель этих указателей — Н. Ф. Катанов — продолжил все линии радловского исследования, применяя радловскую же методику. Он проделал большую работу по выявлению топонимов в двух томах «Образцов...», по локализации этих топонимов, установлению их языковой принадлежности и выявлению всех топонимических вариантов, в том числе и зафиксированных в других источниках (например, на карте А. Ильина, в этнографических описаниях И. Каратанова, Н. Попова), отмечая при этом искажения, допущенные на русских картах (например, *Джулу-кул* у А. Ильина вместо *Уылдыс кѳл* — Катанов, I, 15).

Катанов стремился дать перевод или посильную этимологию каждого топонима; приводя русский эквивалент местного названия, он рельефно показывал в ряде случаев преемственность русского топонима и характер освоения местного названия русскими.

«Алфавитные указатели» Катанова, как и его «Указатель собственных имен» к ч. IX, представляют собой ценнейшую

⁵⁷ Э. П[екарский], [реч. на:] «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым», ч. IX, — «Сибирские вопросы», СПб., 1908, год IV, №№ 17—18, стр. 87. Традиционно «...границы Чжунгарии определялись линией, идущей от озера Балкаш у устья р. Лягуз на сев. до Иртыша, по Иртышу до его истоков, далее на юг до восточной оконечности хребта Тянь-шаня, на запад по этому хребту до Алая, отсюда по Ферганскому хребту до его сев.-зап. конца, затем к тому месту, где ныне стоит г. Аулье-та; пересекая среднее течение р. Чу и идя вверх по последней, граница оканчивалась у южного берега озера Балкаш» («Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXVIII^A, СПб., 1903, стр. 805).

⁵⁸ В. В. Радлов, Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V, СПб., 1885, стр. II.

⁵⁹ См.: В. В. Радлов, Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. VI. Наречие таранчей, СПб., 1886; ч. VII. Наречие Крымского полуострова, 1896.

выборку материала, в том числе и топонимического, все еще остающегося вне сферы внимания современных топонимистов. Достаточно сказать, что объем собственных имен, в том числе и топонимов, выбранных только из двух томов «Образцов...», превышает 7 печ. листов, а ведь В. В. Радловым изданы 10 томов «Образцов...». Можно представить себе, какие топонимические богатства, еще никем не распознанные, таят в себе остальные тома этого монументального издания⁶⁰.

Работа Радлова над изданием «Образцов...» сильно расширила изучаемый топонимический ареал. Теперь это, по существу, почти весь тюркоязычный регион — от Алтая до западных окраин Турции включительно.

VII. Параллельно с изданием «Образцов...» Радлов работает над составлением четырехтомного «Опыта словаря тюркских наречий» (1893—1911)⁶¹. В этом труде — итоге полувековой работы выдающегося ученого, «драгоценнейшем, необходимейшем пособии не только для каждого турколога [т. е. тюрколога.— Г. Б.], но и для представителей иных отраслей востоковедения»⁶², — сконцентрировалось «единственное в своем роде богатейшее собрание лексики и фразеологии многочисленных живых и древних тюркских языков»⁶³. Столь же уникальны по своему охвату обширного тюркоязычного региона и по детальности подачи топонимические материалы, сосредоточенные в «Опыте словаря тюркских наречий».

Среди специалистов, изучающих тюркскую топонимию, обычным считается использование радловского «Опыта словаря тюркских наречий». Однако материалы этого словаря привлекаются, как правило, для выяснения значения либо географического термина, либо корневого слова, входящего в состав топонима. Между тем «Опыт словаря...» буквально насыщен собственно топонимией. Целый ряд топонимов дается в качестве заглавных слов самостоятельных словарных

⁶⁰ С. Кондучалова, работавшая над V томом «Образцов...», не проявила специального интереса к сосредоточенным в нем топонимам и ограничилась скромным перечнем из 9 общеизвестных и поэтому легко выделяемых топонимов, которые она извлекла из радловской записи «Манаса» (см.: С. Кондучалова, Материалы по киргизскому языку, собранные В. В. Радловым. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата — Фрунзе, 1964).

⁶¹ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, СПб., т. I—1893, т. II—1899, т. III—1905, т. IV—1911 (далее — ОСТН).

⁶² А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как турколог, СПб., 1914, стр. 31.

⁶³ См. предисловие «От издательства» к фотомеханическому воспроизведению «Опыта словаря тюркских наречий» Издательством восточной литературы.

статей обычно с пометой, к какому языку принадлежит этот топоним; в том же случае, когда топоним малоизвестен, поясняется местоположение соответствующего географического объекта; приводится и соответствующий русский топоним. Например: «*Аидархан* [Kir.] город Астрахань, *Аидархан деңизи* Каспийское море» (ОСТН, I, стлб. 50); «*Андиджан* [Dsch.] город Андиджан» (ОСТН, I, стлб. 240); «*Андубы* [Osm.] имя города», «*Анталжа* [Osm.] Анталия» (ОСТН, I, стлб. 238); «*Ајагбоз* [Kir., von *aja*+*гбоз*] город Аягуз (Сергиополь) в восточной киргизской степи» (ОСТН, I, стлб. 209) и мн. др. Радлов ввел топонимы и в качестве «производного» значения соответствующего нарицательного имени (вернее — теперь уже омонима), например: *ахал* «1) болезнь языка; 2) место, где живут теке-туркменцы» (ОСТН, I, стлб. 132), *аралых* «1) промежуток..., 2) имя перевала между малым и большим Араратом» (ОСТН, I, стлб. 257). Внутри словарной статьи приводятся топонимы и как иллюстрация топонимического функционирования заглавного нарицательного имени — это функционирование то представлено в качестве самостоятельного значения, например: *арал* «1) остров..., 3) *Арал дёңизи* Аральское море» (ОСТН, I, стлб. 252), то дается в ряду примеров на уже выделенное конкретно вещественное или качественное значение, например: *абу* «1) (Kas. Osm. Ad.) яд..., 2) (Osm. Krm.) горький..., *Абу дабы* (Osm.) горный хребет в окрестностях Брусса» (ОСТН, I, стлб. 172); *акынты* «течение реки, моря» — *Акынты бурну* (Osm.) «мыс на Босфоре» (ОСТН, I, 99).

Радловский «Опыт словаря тюркских наречий» с полным основанием можно назвать первой попыткой собрать в словаре тюркскую топонимию всего региона расселения тюркоязычных народов. И, надо сказать, эта попытка до наших дней остается единственной в своем роде. Как богат «Опыт словаря...» топонимическими материалами, можно показать на одном лишь примере. Словарные статьи *ак*, *кара* содержат в себе развернутые этюды о топонимах — словосочетаниях с одним из этих прилагательных, среди которых можно найти и гидронимы, и оронимы, и названия населенных пунктов, разбросанных по всем тюркоязычным территориям. Этюды эти до недавнего времени оставались вне поля зрения топонимистов. Между тем достаточно сказать, что различные фонетические варианты *кара су* получили здесь перевод «источник, родник, ключ (разрядка моя. — Г. Б.), ручей» (ОСТН, II, стлб. 133—134, 136). Такой перевод, естественно, позволял уже в конце прошлого века сделать вывод о преобладающем значении подобных гидронимов как вод, имеющих источником ключи и родники, — вывод, к которому не-

давно пришла наша топонимика после разъяснений А. Н. Кононова⁶⁴.

По вопросу об использовании терминов цветообозначения в тюркской топонимии⁶⁵ «Опыт словаря...» Радлова, равно как и другие работы ученого, сконцентрировал значительный материал. Этот материал, дополняемый сведениями современных топонимистов, в сумме дает любопытнейшие межтерриториальные топонимические параллели на территории почти всего тюркоязычного региона. Названия хребтов *Ак-таг* и *Кара-таг*, о которых В. В. Радлов упоминал при описании Нуратинских гор («Ср. Зерафш.»), имеют топонимические параллели на разных территориях этого региона — ср. *Кара-таб* на Алтае («Образцы...», IX, стр. IV) и *Карадаг* в Крыму, *Ак-тау* в Киргизии (ОСТН, I, стлб. 93)⁶⁶. Точно так же оронимические названия населенных пунктов, имеющие в своем составе прилагательное *ак*, встречаются на противоположных концах этого района, ср. «татарский» ulus *Ак кажа* в Сибири (Aus Sib., I, 81, 351) и город *Ак-кажа* в Турции (ОСТН, I, стлб. 92). Современная топонимика отмечает, что прилагательное *ала* «пестрый, пегий» сочетается с географическим термином *таг* «гора» (с вариантами по разным языкам), образуя тем самым, по мнению Г. К. Конкашпаева, более детализованный географический термин — «общее название снежных гор», которое «часто входит в состав собственного названия горных хребтов: Джунгарский, Заилийский, Киргизский Алатау и др.»⁶⁷. В. В. Радлов же сообщил об употреблении этого сочетания в качестве самостоятельного топонима на весьма удаленных друг от друга территориях тюркоязычного района, ср. алтайск. *Ала ту*, сагайск. *Ала таг*, кирг. *Ала-тау*, турецк. *Ала даг* (ОСТН, I, стлб. 351, 352);

⁶⁴ См.: А. Н. Кононов, О семантике слов *қара* и *ақ* в тюркской географической терминологии, — «Изв. Отделения обществ. наук [АН ТаджССР]», 1954, 5, стр. 84 и сл. Ср.: Э. М. Мурзаев, К географической терминологии и номенклатуре киргизов Тянь-шаня, стр. 319, 323; Н. Г. Маллицкий, О некоторых географических терминах, имеющих отношение к Средней Азии, — «Изв. ВГО», 1945, т. 77, вып. 5, стр. 283; Г. К. Конкашпаев, Казахские народные географические термины, — «Изв. АН КазССР», № 99. Серия географическая, 1951, 3, стр. 5, 20.

⁶⁵ По этой теме уже много писалось и в отечественной и в зарубежной литературе (см., напр., работы И. Зиртаутас, Э. М. Мурзаева и др.).

⁶⁶ О смысловом противопоставлении *ак* — *кара* в тюркской топонимии писали И. Зиртаутас, М. Ряснен и др. См. также: Э. М. Мурзаев, К географической терминологии туркмен, — «Изв. ВГО», 1939, т. 71, вып. 6, стр. 880; его же, Топонимика и география, стр. 14. К этому можно было бы добавить подобное же противопоставление в тюркской этнонимии, например: *ак-ногайцы* и *кара-ногайцы* (БСЭ², 43, стр. 548).

⁶⁷ Г. К. Конкашпаев, Казахские народные географические термины, стр. 6.

там же приведены случаи топонимического использования этого цветового прилагательного в сочетании с другими географическими терминами — *Ала шйһәр*, *Ала-чам* (турецк.).

Другое цветообозначающее прилагательное *сары*, *сарыҕ* «желтый» отмечено Радловым в основном в географических терминах — кирг. «*сары дала* сухая степь»⁶⁸, сагайск. «*сарыҕ чазы* желтая степь», «*сарыҕ тала* желтое море» (ОСТН, IV, стлб. 319, 322), а в «*Aus Sibirien*» (I, 115, 466) неоднократно упоминались гидроним и название русского пикета *Sary Bulak* (на территории современного Казахстана)⁶⁹. О широком использовании прилагательного *сары* в субстратной тюркской топонимии районов Поволжья писал старший тюремник В. В. Радлова — И. Н. Березин. Вскрывая субстратную тюркскую основу ряда русских топонимов, он определял таким образом «место кочевания Золотой (желтой *صاری*) Орды» и подчеркивал, что «присутствие во всех этих названиях термина *صاری* желтый, не есть только необходимая характеристика местности, точно так же, как Царев, Царевка, Царицын, суть удачные переделки термина „Сары“ — желтый, напоминающий былую знаменитость этих мест»⁷⁰. Русскому *Саратов*, этимологизируемому И. Н. Березиным как тюркск. *Сары тау*, можно найти топонимическую параллель в Южном Алтае — это гора *Сары-Тау*⁷¹.

Другой термин цветообозначения — *кызыл* «красный» — также используется в гидронимах и оронимах, а также в названиях населенных пунктов, например: географический термин *кызылсу*⁷², озеро *Кызыл-Баш*⁷³, «*Кызыл-Шайкйр*, реч-

⁶⁸ Ср. также: Г. К. Конкашпаев, Казахские народные географические термины, стр. 32.

⁶⁹ Ср.: Г. К. Конкашпаев, Словарь казахских географических названий, Алма-Ата, 1963, стр. 98. Гидроним *Сарысу* и ороним *Сарыарка* приводятся в его работе «Казахские народные географические термины» (стр. 33, 6).

⁷⁰ И. Березин, Внутреннее устройство Золотой Орды (По ханским ярлыкам), — ЖМНП, 1850, ч. LXVIII, № 10, стр. 2, 3. Справедливость этих слов И. Н. Березина подтверждается и активным участием *сары* «желтый» в тюркской этнонимии: достаточно назвать сарыҕ югуров (*сарыҕ йугур*) в Китайском Туркестане, «*сарыҕ сојан*, желтых урянхайцев», «*сарыҕлар*, колено абаканских татар и урянхайцев: бельт., саг.» («Образцы...», IX, стр. XXXIV), «племя *Сары Багыш* (желтый лось) по южному и западному берегам Иссык-куля» («Образцы...», ч. V, стр. I); ср. также «бельтирское мужское имя» *Сарыҕ* («Образцы...», IX, стр. XXXIV).

⁷¹ См.: П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. I, стр. 299.

⁷² См. о нем: Г. К. Конкашпаев, Казахские народные географические термины, стр. 27.

⁷³ П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. I, стр. 263 («между озером *Кызыл-Башем* и Черным Иртышем»).

ка и хребет» и «*Кызыл-таиба*, хребет» («Образцы...», IX, стр. VI), *ulus Kysyl Kaĵa* (Aus Sib., I, 81, 351) и населенный пункт *Кизил-Кия* в Средней Азии, «*Кызыл алма (älma)* (Osm.) город Рим (собственно, шар на куполе собора св. Петра)» (ОСТН, II, стлб. 827)⁷⁴. Из топонимических применений других терминов цветообозначения можно отметить зафиксированное Радловым «сагайское» название сопки *Кѳк таскыл* (ОСТН, II, стлб. 1219).

Для того чтобы продолжить попытки В. В. Радлова наметить пути к исследованию общетюркского использования терминов цветообозначения в топонимии, необходимо прежде всего выявить объем применения этих терминов и глубину их проникновения в топонимические системы отдельных тюркских языков. В частности, важно исследовать вопрос о смысловом соответствии географического термина и цветового прилагательного, выясняя при этом, в каких отделах топонимии и какие именно термины цветообозначения наиболее употребительны, с какими географическими терминами наиболее охотно сочетаются те или другие из них и, напротив, в каких отделах топонимии термины цветообозначения встречаются ограниченно или совсем не встречаются. Разумеется, не менее важно установить семантическое назначение (или специализацию) тех или иных терминов цветообозначения в топонимии. Здесь необходимо указать на разнообразие и различия существующих оппозиций при использовании этих терминов. Например, помимо известных оппозиций *Ак-таг* — *Кара-таг* или *ак-су* — *кара-су*, существует и иное цветовое противопоставление, например, *Ак каĵа* — *Кызыл каĵа* (Aus Sib., I, 81, 351); в контекстах конкретных топонимических систем, вероятно, займут свои места в более разветвленном противопоставлении и *Ала-тау*, *Сары-тау*. Существование разветвленного противопоставления целой «топонимической радуги» можно продемонстрировать на примере казахских гидронимов и названий населенных пунктов, представляющих собой сочетание апеллятива *булак* «источник, родник» с прилагательным цветообозначения: *Акбулак*, *Карабулак*, *Кокбулак*, *Сарыбулак*⁷⁵; здесь сам материал подтверждает смысловое несоответствие апеллятиву остальных

⁷⁴ «Опыт словаря...» дает материалы и по участию прилагательного *кызыл* в тюркской этнонимии, см., например: «*кызыл-баш* (Osm. Kas. Kir) персиянин» (ОСТН, II, стлб. 827) и «*кызылбаĵа* [Schog. W., von *кызыл* + *каĵа*] инородческое племя на р. Мрасе у устья реки Кобарсу» (там же, стлб. 828).

⁷⁵ Топонимы извлечены из «Словаря казахских географических названий» Г. К. Конкашпаева (стр. 12, 58, 72, 98).

двух прилагательных топонимического цветового спектра — *ала* и *кызыл*: с ними апеллятив *булак* не сочетается.

VIII. Таким образом, В. В. Радлов заложил основу для последующих топонимических исследований во всем тюркоязычном регионе и особенно — в Сибири⁷⁶. А это заставляет нас поставить среди других и такую проблему: наследие В. В. Радлова и наша современность.

Как это ни парадоксально, географические и топонимические разыскания Радлова прочно забыты, хотя уже первая и отнюдь не исчерпывающая попытка выделить и систематизировать топонимические материалы, собранные и осмысленные В. В. Радловым, явственно показывает, как велик вклад ученого в этой отрасли науки, которая как таковая еще и не воспринималась в его время. Имя Радлова не упоминается среди тех «наших востоковедов, многие из которых и сами занимались топонимикой»⁷⁷. Не назван В. В. Радлов и среди исследователей Средней Азии, хотя сообщенные им «подробные сведения о гидрографии и топографии Зерафшанской долины, подробности о водоорошении и каналах», равно как и составленная им с помощью топографов карта долины среднего течения р. Зеравшан, в свое время были высоко оценены Советом Русского географического общества⁷⁸, причем особо подчеркивалось, что ученый «исчислил пункты оседлости, о которых представил топографические известия, большею частью совершенно новые...»⁷⁹ (разрядка наша.— Г. Б.). Сведения В. В. Радлова по гидронимии описанной им «Средней Зерафшанской долины» имеют в наши дни чисто исторический интерес. Ученый называет такие притоки Зеравшана с южной стороны, как Чарвак, Чурча, Кум-арык, Кара-су, Инам-яхши, с северной стороны — Кара-абдаль, Тюрсюн, Пшат (берут начало с южных склонов Кара-

⁷⁶ Уникальная ценность «Aus Sibirien», труда, сконцентрировавшего богатейшие этнографические, историко-археологические, географические, топонимические и прочие материалы, давно понята в Турции, где еще в 1954 г. был издан турецкий перевод: W. Radloff, Sibiryadan, Istanbul, 1954.

⁷⁷ В. А. Никонов, Вопросы топонимики Востока, — «Топонимика Востока», М., 1962, стр. 12—13. В этом перечне необходимо было бы вспомнить и Н. Ф. Катанова, чьи труды накоплен и систематизирован значительный материал не только по топонимии Сибири, но и по антропонимии и этнонимии сибирских тюркоязычных народов.

⁷⁸ П. П. Семенов, История полувековой деятельности..., ч. I, стр. 295.

⁷⁹ Там же. Э. М. Мурзаев (см. его рецензию на книгу Г. Ярринга «Some notes on Central Asian Turkic place names» в журн. «Народы Азии и Африки», 1963, № 1, стр. 225, прим. 4) полагает, что «первая попытка показать топонимию Средней Азии» сделана Г. Вамбери «в словаре, опубликованном еще в конце прошлого века».

тага) и Джисман (течет из Ак-тага); в описании этих притоков Зеравшана отмечается все иссякающий режим этих рек — «только при высокой воде доходят они до самого Зерафшана» («Ср. Зерафш.», 5). По современным географическим данным, «на территории Узбекистана Зеравшан не принимает притоков»⁸⁰, а «реки, стекающие с невысоких горных хребтов Нуратау и Актау, в большинстве своем имеют характер временных водостоков»⁸¹. Имея в виду постепенное иссякание описанных В. В. Радловым притоков Зеравшана, было бы любопытно на месте проверить, какие из собранных им гидронимов сохранились, какие утрачены, какие продолжили свое существование в связи с уже иными географическими объектами.

Насколько прочно забыты исследования В. В. Радлова в области географической и топонимической, видно из одного только примера. В своем «Кратком отчете о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-куль летом 1859 г.», опубликованном в «Известиях РГО», т. VI в 1870 г. (стр. 99), Радлов, упоминая о «Бомском ущелье», подчеркивает: «никак не Буамское» и поясняет в примечании: «Бом называется на черно-киргизском наречии, как и на алтайском, *проход по отвесным к реке скалам*. Северные киргизы вместо длинного о выговаривают *уа*; и потому вместо *бом*, выговаривают *буам*; отсюда-то и произошло очень некрасивое истолкование этого невинного названия (haes Vulva)». В русской географической литературе закрепилось чтение *Боамское ущелье*⁸². Однако ложное толкование оказалось живучим, и через 75 лет после объяснения В. В. Радлова в том же самом издании — «Известиях ВГО» (т. 77, вып. 5, 1945, стр. 284) — Н. Г. Малицкий, казалось бы, корнями связанный с отечественной востоковедческой традицией, почти слово в слово повторяет Радлова без ссылки на его работу: «Боамское ущелье больше известно у местных русских жителей под именем Уланской щели; кстати, распространившееся одно время в недостаточно осведомленных кругах мнение о якобы неприличном значении этого слова неосновательно. Слово „боам“ (на Алтае и в Саянах „бом“) значит „ущелье у реки“; это древнее тюркское слово, сохранившееся в киргизском языке» (стр. 284).

⁸⁰ БСЭ², 44, стр. 9.

⁸¹ «Средняя Азия», М., 1958, стр. 581.

⁸² См. там же. *Буамское ущелье* — в 19-м томе «России» («Туркестанский край», СПб., 1913), вышедшем через 43 года после предупреждения Радлова. В «Истории полувековой деятельности...» (ч. I, стр. 297) П. П. Семенов, принимая чтение В. В. Радлова, не отказывается и от факультативного использования получившего распространение искаженного варианта: «*Боамское (Буамское) ущелье*».

Возвращение к жизни незаслуженно забытых материалов В. В. Радлова позволит правильно осветить историю изучения топонимии всего тюркоязычного района и прежде всего — Сибири.

Для того чтобы призвать не забывать, а, напротив, всесторонне изучать богатейшее наследие классика отечественной тюркологии не выглядел неким отвлеченным и довольно банальным стандартом, попытаемся поставить некоторые вполне практические задачи, касающиеся прежде всего топонимии Сибири, которую В. В. Радлов исследовал наиболее полно и детально.

В связи с сосредоточенным в книге В. В. Радлова «Aus Sibirien» и других его работах обширнейшим топонимическим и микротопонимическим материалом, который фактически представляет собой почти сплошной синхронический срез вековой давности по многим районам Западной и Юго-Западной Сибири, Западного Алтая, перед топонимистами Сибири встанет задача перехода от накопления топонимической картотеки по картографическим и литературным источникам (как это осуществлялось под руководством А. П. Дульзона)⁸³ к полевому сбору топонимии и микротопонимии. Целесообразно, по-видимому, чтобы этому предшествовала роспись на карточках того топонимического богатства, которое содержится в двух томах «Aus Sibirien» (составление «картотеки Радлова»). Следующим этапом работы может быть проведение экспедиций по местам, обследованным В. В. Радловым, с целью записать современную топонимию этих районов и проверить по «картотеке Радлова», что изменилось в топонимии (изменения, очевидно, в наибольшей степени затронули названия населенных пунктов), что осталось неизменным, какие варианты из конкурировавших (параллельно употреблявшихся) разноязычных или диалектных топонимических пар сохранились, какие утрачены, а какие (имеются в виду русские названия), возможно, приобретены за истекшие сто лет⁸⁴. Проведение та-

⁸³ См. об этом: Е. М. Поспелов, Современное состояние топонимии в СССР, — «Известия АН СССР. Серия географическая», 1966, 4, стр. 10.

⁸⁴ Для многих местных сибирских гидронимов В. В. Радлов (и Н. Ф. Катанов в своих указателях к «Образцам...») не приводил русских эквивалентов — это наводит на мысль, что, быть может, не для всех сибирских топонимов такие эквиваленты существовали. Поэтому вдвойне интересно выявить сейчас такие эквиваленты, вскрывая, по какому принципу они построены; представляется, что таким путем можно было бы максимально приблизиться к процессам становления топонимов. Этому же могло бы способствовать и ретроспективное сопоставление материалов В. В. Радлова с топонимическими сведениями более старых источников (например, «Чертежной книги Сибири»).

кой работы обеспечит получение сразу двух срезов местной топонимии и микротопонимии, отделенных друг от друга более чем вековым периодом. Можно надеяться, что в результате такой работы удастся весьма наглядно наметить пути и тенденции освоения местных топонимов русскими, а также внести коррективы во взгляды на происхождение некоторой части русской топонимии в Сибири и реконструировать механизм возникновения таких русских топонимов, в основе которых лежат субстратные географические названия. При выявлении субстратной основы русской топонимии и разных путей и способов воздвизения местной топонимии на складывавшуюся русскую невозможно будет обойтись без привлечения того неисчерпаемого кладезя материала, который накоплен В. В. Радловым⁸⁵.

Введение в полноценный научный обиход всех ныне забытых материалов В. В. Радлова поможет более точной интерпретации некоторых уже изученных и описанных фактов русской топонимии в Сибири. Рассмотрение же этих материалов, в совокупности составляющих широкое топонимическое полотно Сибири, Средней Азии, наконец — всего тюркоязычного региона, в кругу современной топонимической проблематики, несомненно, будет способствовать разработке более общих лингвистических и исторических вопросов, решение которых позволит в конечном итоге топонимике, в частности, внести вклад в публикуемую многотомную «Историю Сибири»⁸⁶.

Умело черпая и осмысляя собранные В. В. Радловым факты, современный исследователь получает тот необходимый топонимический фон, благодаря которому единичные и разрозненные наблюдения можно будет объединить как черты общетюркского характера. Это тем более важно, что тюркской топонимике пора переходить от конкретных описаний отдельных топонимических систем к сравнительному изучению топонимии в масштабах всего тюркоязычного региона и тем самым с честью продолжить дело, начатое В. В. Радловым.

⁸⁵ Характеризуя один лишь «алтайский» период деятельности В. В. Радлова, Л. Штернберг писал: «В общей сложности все опубликованное Радловым за годы пребывания на Алтае представляло целую энциклопедию совершенно новых данных по тюркской лингвистике, этнографии и археологии Западной Сибири, Алтая и Средней Азии...» (Л. Штернберг, Из жизни и деятельности В. В. Радлова, СПб., 1910, стр. XVI).

⁸⁶ См.: В. А. Никонов, Вопросы топонимики Востока, стр. 10.